

Василий Кириллов

Москва
советская
1955 – 1982 гг.

(из воспоминаний
старожила)

Василий Владимиров Кириллов
Москва советская. 1955—1982
гг. Из воспоминаний старожила

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42223998

ISBN 9785449658739

Аннотация

Данная книга посвящена архитектурным процессам, которые происходили в столице в относительно недавнем прошлом. Сами по себе они были неразрывно связаны с политической жизнью и насущными потребностями советского человека. Облик Москвы год от года меняется, и многие факты из ушедшей эпохи незаметно стираются из памяти.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА I	8
Эпоха «перемен» в московской архитектуре	8
Конец ознакомительного фрагмента.	23

**Москва советская.
1955—1982 гг.
Из воспоминаний
старожила**

**Василий Владимиров
Кириллов**

© Василий Владимиров Кириллов, 2019

ISBN 978-5-4496-5873-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В.В.Кириллов

ВВЕДЕНИЕ

Об архитектуре «послесталинских лет» в СССР было написано не так уж много. Кроме того, можно сказать, что она не становилась еще, в полной мере, предметом всестороннего и объективного анализа. Появлявшаяся в третьей четверти прошлого столетия литература о советской архитектуре 1960-х годов, как правило, была «заказной», не выходящей за рамки общепринятых идеологических установок и отнюдь не всегда отражающей истинную позицию искусствоведов. Хвалебные оценки тех или иных тенденций в строительной индустрии СССР были необходимым условием для официальных публикаций. Они носили характер в своём роде «штампов» для цензуры. «Критические стрелы» хотя и проникали в общую канву текстов, тем не менее, никак не влияли на оценочные категории авторов. Никто из них не отваживался ругать советское, понимая что за это к нему могут применены определённые санкции и вслед за тем об изданиях новых книг придётся на некоторое время позабыть. Естественно, учёные специалисты вовсе не желали портить себе карьеру из-за сиюминутной прихоти собственного эгоцентризма и жажды правдоискательства...

Однако, затем всё изменилось, если можно так выразиться, кардинальным образом. Советский Союз, казавшийся всем нерушимой цитаделью, внезапно распался. В новоис-

печённом Российском государстве, наконец, воцарилась долгожданная атмосфера «свободы слова» и «гласности», о которой раньше представителям интеллигенции приходилось только мечтать. Культурная общественность почти сразу же подвергла всё советское поруганию. Многие признанные искусствоведы в эпоху «перестройки» и становления буржуазных отношений в экономике страны начали высказываться об архитектуре «хрущёвского десятилетия» не иначе как с чувством глубокого пренебрежения. Всё то, что в недавнем прошлом воспринималось как вполне позитивное стало квалифицироваться исключительно как проявление откровенного убожества творческой мысли. В «неофициальных беседах» советская эстетика даже превратилась в синоним подлинного безвкусыя или крайнего выражения примитивизма.

Более-менее серьезно об отечественном зодчестве 1960-70-х годов заговорили уже в наступившем XXI столетии. Но при этом многие специалисты так и не смогли, в очередной раз, взглянуть на проблему в «правильном ракурсе», избежать тех же самых оттенков «едкой иронии», саркастического тона и некоторого субъективизма в понимании тех изменений в строительной индустрии, которые были, по сути, неизбежными в СССР после тяжёлых разрушений городов, произошедших в период Великой Отечественной войны. По-прежнему, в книгах и отдельных научных статьях тенденция «неприятя всего советского» осталась чуть ли не главенствующей. Более того, помимо «хрущёвских но-

востроек» начало подвергаться нападкам и репрезентативное зодчество «сталинской поры», с его выраженным стремлением к украшательству, приобретающему иногда характер неприкрытого «кича», с пропагандой моральных критериев важных для воспитания молодого поколения в духе «бессмертных» идей марксизма-ленинизма.

Теперь же – на некоторой временной дистанции – пожалуй, можно попытаться дать более справедливую оценку тем архитектурным новациям, что имели место в «период развитого социализма», охарактеризовать с разных точек зрения те процессы, которые проистекали не только в области художественного творчества, но и общественной жизни в целом. Думается, я, как автор, вполне могу взять на себя подобную ответственность, поскольку годы моего детства и ранней молодости совпали с теми десятилетиями, когда постройки отошедшей «хрущёвской поры» составляли «важный фон» в облике значительного числа кварталов быстро строящейся и расширяющей свои границы Москвы. Риторический вопрос, который неизбежно хочется задать ныне самому себе, была ли эта с виду примитивная архитектура тем фактором, который, в той или иной степени, повлиял на дальнейшее развитие моего сознания?

ГЛАВА I

Эпоха «перемен» в московской архитектуре

К 1955 году, в целом, был завершен весь громаднейший объем работ по восстановлению, разрушенных войной, городов и сел европейской части СССР. Фактически, заново поднялись из руин уничтоженные почти дотла Минск и Сталинград, приобрел новый облик Киев¹, стал благоустраиваться Ленинград. Многие областные центры, ранее напоминавшие сильно разросшиеся деревни, с преобладающей в них деревянной застройкой, начали приобретать более урбанистические черты. На месте узких улиц стали возникать широкие проспекты и бульвары с зелёными насаждениями, снабжёнными фонтанами и скамейками для отдыха гуляющей публики. В провинциальных городах появились первые здания кинотеатров с вместительными зрительными залами, просторными вестибюлями и красиво оформленными фасадами.

Москва в то время уже имела сложившийся историче-

¹ В рассматриваемый период времени и Минск, и Киев входили в единое пространство СССР и архитектурные процессы, происходившие в ту пору в России, затрагивали Белоруссию и Украину

ский архитектурный облик. Благодаря отваге защитников столицы, её улицы и здания лишь незначительно пострадали от бомбёжек немецко-фашистской авиации. В городе сохранились былые культурные достопримечательности – церкви, музеи, театры, крупные универмаги и другие объекты социальной структуры. Однако, в Москве год за год стала увеличиваться и общая численность населения. Люди начали перебираться в более благополучную столицу в поисках лучшей доли, покидая разорённые войной земли соседних регионов.

Возникший в скором времени дефицит жилья заставил руководителей «Моспроекта» по-иному взглянуть на проблему развития города, отойти от излишнего «пафоса» архитектуры послевоенных лет. За короткий срок творческими коллективами зодчих была выработана новая концепция формирования улиц и кварталов с массовой застройкой.

Так, например, на окраинах Москвы широкий размах приобрело строительство малоэтажных жилых домов (в частности, на севере столицы – в районе Октябрьского поля, на Хорошевском шоссе, в Измайлово). Они призваны были стать неким ориентиром для будущего, но, по сути, так и остались лишь смелым экспериментом.

В то же время в Москве ещё продолжали возводиться монументальные здания на главных магистралях города – Садовом кольце, Кутузовском и Ленинском проспекте. Но эти стройки уже имели столь значительного размаха

как в предыдущие годы. По мере возможности, архитекторы упрощали проекты домов и отказывались от части помпезного декоративного убранства, поскольку финансовые ассигнования от государства постепенно уменьшались.

Только разумная экономия расходных материалов – кирпича и цемента – могла позволить московским строителям не снижать набранного темпа работы. Из-за проблемы острого дефицита жилья в столице зодчие, в конечном счёте, вынуждены были обратиться к проектированию более скромных многоквартирных домов и разработке простых типов квартир для посемейного заселения. В зданиях, в частности, изменилась толщина внешних кирпичных стен, стали ниже потолки, сократилась ширина лестничных пространств, вестибюлей и т. д.

Эркер в доме около метро «Автозаводская» (фото автора 2018 года)

Характерным примером такого строительства могут, пожалуй, служить дома, появившиеся в период 1954 -1958 гг.

возле новой станции метро «Автозаводская». В разработке их проектов участвовали архитектор А. Сурис и инженер-конструктор Г. Салищев. Жилые здания возводились по обеим сторонам улицы, разделённой небольшим сквером. Корпуса домов образовывали привычные для «сталинского ампира» развёрнутые подковообразные композиции. Центральные части получили несколько большую высоту – они включили в себя 13 этажей; а боковые строения, примыкающие с обеих флангов – 10. На фасадах, как полагалось, были прорезаны широкие полуциркульные арки, обеспечивающие беспрепятственный доступ для людей во внутриворонное пространство. Однако, здесь уже более ограничено использовались формы декоративного убранства. Сохранилась рустовка стен в нижнем этаже, плоская барельефная вставка с дуговым архивольтом над парными эркерами, но при этом сократилось количество балконов, упростились полосы фризов и заметно «полегчали» элементы венчающих карнизов.

Арка в доме ранних «послесталинских» лет (фото автора 2018 года)

Это явилось только первым шагом в советской индустрии строительства. Исключительно, экономией материа-

лов и средств внешнего украшения дело не ограничилось. Уже в скором времени, в результате интенсивных поисков отечественных ученых и проектировщиков, были выдвинуты принципиально новые конструктивные решения, как в промышленной, так и в жилищно-гражданской архитектуре. Можно сказать, своеобразным «индустриальным прорывом» послужило внедрение «многообещающей» техники панельного и блочного строительства.

Как писал в своей книге «Архитектура Москвы XX век» известный отечественный специалист А.В.Иконников, «индустриальные методы возведения зданий массовых типов стали решающим звеном развития строительного дела и архитектуры... В развитие материальной базы строительства индустриальными методами вкладывались огромные, с каждым годом возрастающие средства»².

Думается, этот процесс вряд ли правильно оценивать, как своего рода перелом или неожиданный поворот в области архитектурной практики. Противоречия между формами и технологиями строительного производства наметились еще до войны. Пластические элементы «сталинского ампира» – выносные карнизы, наличники, фронтоны, сложные классические профили и имитация рустом каменной кладки в нижних этажах – были в некотором смысле «штучной работой». Они плохо соотносились с заводскими технологиями массового производства, тем самым тормозя и усложняя

² А.В.Иконников «Архитектура Москвы. XX век», М., 1984, С.131.

процессы строительства. Типизация и унификация элементов здания позволяла, в сущности, превратить строительную площадку в некое подобие монтажной мастерской с крайне простым ассортиментом готовых изделий.

Первый в СССР четырехэтажный каркасно-панельный дом был построен на Соколиной горе в Москве еще в конце 1940-х годов, а первый бескаркасный крупнопанельный дом был собран в 1950 году в Магнитогорске. Авторами обоих проектов, по документам, числится одна и та же творческая группа, руководимая инженерами Г. Кузнецовым, Б. Смирновым и Н. Морозовым. Это было, так сказать, исходной, отправной точкой, а затем уже опыт проектирования и возведения сборных зданий стал использоваться в более широком масштабе, прокладывая дорогу к массовому крупнопанельному домостроению. Поначалу, дело, казалось, было настолько рискованным и смелым в условиях сталинской поры, что ранние полносборные дома в своем облике даже «маскировались» под традиционные кирпичные постройки «неоампира»³.

Но уже к концу 1950-х годов «новое строительство» начало существенно «набирать обороты». За короткие сроки в стране было создано около 400 заводов и полигонов сборного железобетона, появилась более мощная и современная

³ Например, дом на Красноармейской улице в Киеве, построенный в 1951 году архитектором В. Елизаровым, имел такого рода бутафорское внешнее оформление.

строительная техника. Так, в конечном счете, и возникла реальная возможность применения в массовом строительстве сборных крупноблочных и крупнопанельных конструкций.

В 1955 году ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли специальное постановление «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве», имевшее большое значение для развития архитектуры в стране, да и в целом, для ее простых граждан. В документе, в частности, отмечалось:

«Привлекательный вид зданий и сооружений должен создаваться не путем применения надуманных дорогостоящих декоративных украшений, а за счет органичной связи архитектурных форм, с назначением зданий и сооружений, хороших пропорций, а также правильного использования материалов, конструкций, деталей и высокого качества работ»⁴.

Чуть забегаая вперед, отметим, что упоминание о «хороших пропорциях» и «высоком качестве работ» в условиях индустриализации и тотальной унификации строительства осталось лишь благим пожеланием, зато устранение излишеств было воспринято «на ура», как конкретная установка, немедленно принятая к исполнению. Буквально, по ходу работ упрощались формы строящихся зданий, срубались уже выведенные карнизы, «убирались» сандрики, барельефы и скульптура. Борьба с излишествами приобрела повальный характер, в особенности, после XX съезда КПСС, разоблачившем культ личности И.В.Сталина. Все стало видеть-

⁴ Цит. по: Всеобщая история архитектуры, М., 1975, Т.12, С.19—20.

ся по-новому и в архитектуре. Устранение излишеств при строительстве зданий, отказ от наружного декора будто бы обрели смысл очищения от следов «сталинщины».

Обычная для предшествующего периода практика периметральной застройки⁵ городских кварталов также была прекращена. Ее сменили более простые композиционные приемы расположения и сочетания зданий. При этом под жилую застройку городские власти стали отводить территории на окраинах, ранее пустовавшие или занятые бывшими деревнями.

Партийные решения были вскоре утверждены и Вторым всесоюзным съездом советских архитекторов, взявшего курс на всестороннее развитие индустриальных методов массового строительства. Отдельное внимание также уделили и вопросам теории отечественной архитектуры. Участники съезда выступили с критикой стилизаторства, признали отставание теоретической науки, ее одностороннее развитие и «неправильное истолкование архитектурной формы как изобразительной категории в отрыве от функционального и конструктивного существа зданий».

Таким образом, рубеж 1954—55 годов можно, не сомневаясь, определять как начало современного этапа развития советской архитектуры. В политическом аспекте, как от-

⁵ Застройка городских участков жилыми корпусами, стоящими по периметру и образующими замкнутый внутренний двор, начала использоваться в России еще в эпоху капитализма и была заимствована советскими архитекторами.

мечали некоторые исследователи, это означало, что демонтировав утопию «сталинской эпохи», Н.С.Хрущев стал насаждать свою наивную доктрину «построения коммунизма к 1980 году». В этом ракурсе, наверное, и целесообразно рассматривать всю историю интересующего нас периода развития советской архитектуры. Венцом же его следует считать Олимпийские игры в Москве, к проведению которых страна подготовилась достойным образом, поразив приехавших гостей новыми спортивными сооружениями. Это, и вправду, было похоже на «коммунистический рай», который вскоре исчез, вместе с рухнувшими ценами на энергоносители...

Возведение зданий из крупноразмерных элементов заводского производства, с одной стороны, позволило значительно увеличить объемы и темпы строительства, а с другой – уменьшить его себестоимость. Кладка стен из кирпича требовала солидных финансовых затрат (учитывая расходы на цемент, отходы материала, трудоёмкость работы и привлечения определённого профиля специалистов). Панели же можно было без ущерба транспортировать на большие расстояния, быстро разгружать и монтировать с помощью сварочных аппаратов⁶.

⁶ Интересные взгляды, наполненные определённой долей романтизма, выражал ещё в начале 1950-х годов один из признанных мастеров советской архитектуры – Иван Жолтовский. Он подчёркивал, что крупные панели – это новое слово техники, которое ещё требует обязательного испытания на практике. Зодчий откровенно заявлял о том, что предприятия строительной индустрии должны изготавливать свою продукцию на высоком уровне, с безупречной чистотой линий

Эталоном и в некотором роде символом эпохи перемен в жилищном строительстве стал 9-й квартал Новых Черемушек на юго-западе Москвы (арх. Н. Остерман, С. Лященко, Г. Павлов и др.; 1956—58 гг.).⁷ 14 типологий домов, в которые в нем были использованы (в основном, 4-этажных), а также планировочные решения квартир и секций, впоследствии, стали «тиражироваться» по всей стране. Целью подобного эксперимента, в определённом смысле, явилась мнимая демонстрация того, что и обнажённая простота целесообразного может быть привлекательна и выразительна. Даже И. Жолтовский – зодчий незаурядного творческого дарования, успешно работавший в Москве в «сталинские» годы – признал, что удешевление и индустриализация массового строительства, общая стандартизация и типизация не противоречат, а способствуют задаче «создания красивой, величественной и радостной архитектуры коммунизма». Но при этом он заметил, что типовыми проектами должно называться только лучшие из лучших, а не посредственные и второстепенные работы. Преодолеть однообразие зодчие, по его мнению, могли только за счёт высоких

и математической точностью измерений.

⁷ Вышеназванный жилой квартал располагался некогда на территории, лежащей между улицами Дмитрия Ульянова, Гримау, Шверника и проспектом 60-летия Октября. Наряду с прямоугольными корпусами в нём присутствовали и односекционные дома башенного типа в 8-этажей, выходящие фасадами на короткую сторону участка, отведённого для массового строительства в Москве ещё Генеральным планом 1935 года.

требований, предъявляемых к собственному искусству⁸.

Понятно, что в высказываниях «мэтра» советской архитектуры присутствовали нотки идеализма. На самом деле, в строительной практике восторжествовало заурядное творческое мышление, и в Москве начали появляться так называемые «хрущёвки» – жилые дома, тяготеющие к эстетике крайнего минимализма форм и откровенной утилитарности. Квартиры стали проектироваться в соответствии с новыми нормативными требованиями. В результате чего, заметно уменьшились их общие площади (в среднем, 28—29 кв. м), размеры кухонь (до 4,5 кв. м.), высота потолков (до 2,5 кв. м.), появились совмещенные санузлы, проходные комнаты и т. д. Специально разрабатывались даже проекты ванн уменьшенной длины и малогабаритная мебель. Добавим еще к тому же и то, что в этих домах не было лифтов и мусоропроводов. На верхние этажи нужно было подниматься по узкой лестнице, а бытовые отходы выносить в контейнеры, стоящие во дворах⁹.

Трудно давать оценку, столь примитивным по виду постройкам. Но в условиях тотального дефицита жилья в СССР – это был хоть какой-то, но выход из положения.

⁸ См. об этом в книге «Мастера советской архитектуры об архитектуре», М., 1975, Т.1, С.52—53.

⁹ Из-за дефицита пространства на малогабаритных кухнях и узких балконах многие хозяйки, вынуждены были сушить бельё на развешанных во дворах верёвках. Разумеется, для этого им приходилось неоднократно спускаться и подниматься по лестницам.

При всей кажущейся грандиозности «сталинских новостроек» в Москве общая картина, на самом деле, была совсем иной. Большинство молодых семей, фактически, не имело возможности жить индивидуально. Появлявшиеся в Москве новые кварталы многоэтажных кирпичных домов, с фасадами изобилующими разнородными декоративными элементами, являлись, в определённом смысле, «показухой» народного благополучия. Получить отдельную квартиру в каждом из таких зданий могли только определённые категории людей – те группы населения, которые были связаны с работой в партийной организации, государственной службой, а также маститые учёные, инженеры, врачи и, отмеченные правительственными наградами, ударники социалистического труда. Непривилегированной публике, как и раньше, приходилось довольствоваться проживанием в коммунальных квартирах. После тяжёлых разрушений, которые повлекли за собой годы Великой Отечественной войны, людям пришлось ещё более потесниться, уступить место наиболее пострадавшим группам населения. Когда-то исключительно комфортабельные квартиры в доходных домах в центре Москвы претерпели значительные перепланировки, были приспособлены для размещения на этой же территории нескольких семей или оставшихся в одиночестве граждан. Более того, на городских окраинах появилось немало деревянных и кирпичных корпусов малой этажности, частично снабжённых удобствами, в которые специально поселили ра-

бочих и служащих. Москва в ту пору остро нуждалась в трудовых ресурсах.

Для людей, потерявших свое жильё в период войны, переселенцев в «коммуналки» и заводские общежития, отдельная квартира любого уровня представлялась в некотором роде пределом мечтаний. Граждане огромной страны, по сути, вынуждены были ютиться в заваленных собственной утварью малогабаритных помещениях и готовить пищу на кухнях, уставленных вереницами соседских кастрюль и сковородок. И как тут не вспомнить хорошо знакомые слова из песни Владимира Высоцкого, «...система коридорная, на 48 комнаток – всего одна уборная». Таковой оказалась настоящая правда жизни, а вовсе не то что изо дня в день, с пафосом и торжественно, провозглашалось советскими дикторами из радиорепродукторов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.